

жения, вызванные общественным катаклизмом, и главным условием действительности его посредничества становится строгое соблюдение Гриневым рыцарско-романтического кодекса чести.

Лишь два персонажа произведения связаны сразу и с дворянским миром, и с крестьянским — Гринев и Швабрин. Но если Швабрин изменяет одному лагерю, чтобы перебежать в другой, и, нарушив общественный договор, терпит в конце концов полное поражение, то Гринев преодолевает смертельные опасности и выходит победителем из испытаний потому только, что остается верен принятым этическим принципам. Гринев торжествует, ибо его романтическое рыцарство не сословный признак:¹¹⁰ и там, и здесь он свой и чужой одновременно, он чужой для своих, дворян, и свой для чужого — крестьянского царя.

Вот почему герой не перемещается на более высокую общественную ступень. Он вообще этически стоит над современным ему социумом. Индивидуализм его, выделенность из социальной среды — результат утверждения новой, межгрупповой, всечеловеческой нравственности.

Изучение трансформационной истории волшебной схемы¹¹¹ по необходимости сопряжено с поисками других архетипов больших повествовательных структур, поскольку сейчас становится достаточно очевидно, что помимо разобранного здесь посвячительного архетипа существуют и другие, еще не обследованные. В идеале это должно было бы привести к созданию общей типологии романа. Чисто синхронный подход к типологии романа затруднен прежде всего потому, что здесь мы имеем дело с чересчур сложными объектами (ср. многочисленные типологии, основанные на синхронных принципах и постоянно подвергающиеся справедливой критике либо за неполноту, либо за избыточность, либо и за то и за другое вместе). При движении по временной оси в прошлое мы всегда наталкиваемся на возрастание системности, что, естественно, должно облегчить понимание системных групп внутри жанра романа. В связи с этим было бы нелишним в перспективе исследовать и смешанные формы — возможные взаимопроникновения разных архетипов в пределах одного произведения.

---

¹¹⁰ Гринев, по словам Лотмана, «не укладывается в рамки дворянской этики своего времени, для этого он слишком человек. Ни в одном из современных ему лагерей он не растворяется полностью. В нем черты более высокой, более гуманной человеческой организации, выходящей за пределы его времени» (Ю. Лотман. Идейная структура «Капитанской дочки», стр. 20).

¹¹¹ К тому классу романов, который можно было бы назвать «посвячительным», относится весьма значительное число текстов — от «Казачков» Льва Толстого до некоторых современных научно-фантастических произведений. Ср. в этой связи: James M. Cox. Remarks on The Sad Initiation of Huckelberg Finn. In: Myth and Literature. Contemporary Theory and Practice. Ed. by John B. Vickery. University of Nebraska Press, Lincoln, 1969.